

A black and white photograph of a woman with long hair, wearing a dark jacket, standing in a city square at night. She is looking off to the side. The square is paved with cobblestones and has several benches. In the background, there are illuminated buildings and street lamps. A black rectangular box with white text is overlaid on the right side of the image.

БРИЗИН КОРПС

ОСКОЛКИ

Бризин Корпс Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17206929

ISBN 9785447453992

Аннотация

Она ворвалась в мое существование внезапно и переименовала его в жизнь. Она стала прекрасной иллюзией моей способности чувствовать.

Содержание

Sensus.1	5
Memoria.1	23
Memoria.2	25
Somnus.1	27
Memoria.3	29
Somnus.2	35
Sensus.2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Осколки

Бризин Корпс

© Бризин Корпс, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Sensus.1

Она посмотрела на меня так, словно я не затяжку делала, а взрывала метро – в них читалось и удивление, и непонимание, и доля опасения.

Да, я, человек некурящий, считающий, что это не приносит никакой пользы и более того – засоряет легкие, портит дыхание и эмаль, взяла и сделала затяжку. Я вдохнула дым глубоко – так, чтобы почувствовать эффект, если такой и будет. На самом деле, я думала, что закашляюсь, – однако ничуть не бывало: прошло как по маслу. Наверное, виной тому то, что я все-таки покуриваю. Ведь кальян считается, верно?

– Хм, помогает, – заметила я, возвращая подруге ее «Marlboro».

Она взяла протянутую сигарету и ответила, затянувшись: – Ну а то.

Я не стала бы курить из-за того только, чтобы влиться в компанию. Будь так, я бы курила лет с четырнадцати, когда это «вошло в моду». Кто знает, может быть, сложись все иначе, я бы так и не опустилась до этого. Просто произошло то, что произошло, и это несколько надломило мой стержень. Можно сказать, что я поступила так, чтобы облегчить возникшую боль внутри себя. Забавно: я старалась потушить ее внутри тлеющей сигаретой.

– Я докурю, ты не против? – спросила я и протянула паль-

цы вперед.

На меня снова посмотрели каким-то недоверчивым и удивленным взглядом.

– Да, конечно.

Уходя, я чувствовала, что мне продолжают удивляться.

Я села на один из бетонных камней, которыми огораживается парк от набережной, и погрузила сознание в дым. Странно, но должна признать, что курение действительно работает. Буквально через пару секунд в голове образовалось облачко. Казалось, словно мозг вдруг раздулся, как спасательный жилет. Немного подташнивало. «С непривычки» – подумала я. «И вина». Да, оно определенно играло тут не последнюю роль.

Мимо проходила компания парней и девушек количеством шесть-семь человек. Один из них держал на плече бумбокс, из которого доносились звуки какого-то трека, близкого по жанру к электронной музыке или дабстепу. Их веселость, их беззаботность – все это заставило меня улыбнуться. Пока они шли мимо, я провожала их взглядом, чувствуя, что мне на самом деле стало хорошо.

Мы пришли в парк некоторое время назад – около часа или полтора. Мы любили проводить ночи тут – река, свет, прекрасные дружелюбные люди и ночной воздух... Разве может быть что-то лучше? Обычно мы просто проводим время друг с другом, выпивая или играя в дурацкие игры – в общем-то, ничем путным не занимаясь и просто бездарно тра-

тя ночь.

Нет.

Мы не тратили ночь бездарно. Никогда. Бездарно тратят ее лишь те, кто спит.

Глупо как-то спать ночью. Я думаю, что в ней есть что-то такое, чего нет в дне. Я имею в виду: какая-то тишина, умиротворенность. Спокойный, тихий ветер дует время от времени, вокруг горят фонари и изредка бродят прохожие (такие же любители ночной поры, как и ты сам), и это все вместе возбуждает внутри чувство, похожее на удовлетворение всем и вся. Мне лично в таком настроении хочется крутиться волчком, смеяться и обнимать каждого, кто мне на глаза попадется.

Днем такого не бывает.

Днем слишком много людей, которые снуют туда-сюда, словно муравьи, носятся, шумят. Их лица не выражают ничего, кроме напряжения и недовольства. Стоит нечаянно коснуться руки кого-нибудь в общественном транспорте, как он тут же презрительно одергивает свою конечность, словно бы не ты ее задел, а дьявол своим провонявшим грехами и кровью копытом.

Как только вошли в парк, мы услышали громкую музыку, доносящуюся из кафе около водоема (прудом это назвать нельзя – как-то не вяжется). Стало ясно, что кто-то что-то празднует. Я, как то всегда и бывает, пропиталась витающим в воздухе настроением и стала вести себя взбалмошно, весе-

ля тем самым двух своих спутниц.

– Слушайте, а, может, к ним присоединимся? – спросила я, когда мы подошли к сложенным на самодельном пляжике матрасам и начали открывать бутылку вина.

– Зачем? – Лиза посмотрела туда же.

Я пожала плечами:

– У них весело.

– А у нас, что, не весело? – подала голос Ася.

Тут нельзя было не согласиться.

В ожидании, пока бутылку откроют с помощью подручных средств, а именно – фломастера, я решила написать на песке что-нибудь на латыни. Недолго думая, решила написать вопрос, который я никак не могу задать в лицо той девушке, что открывала в тот момент вино. То есть, не то чтобы мы не разговаривали насчет моих симпатий и всего прочего, но... просто я никогда не задавала ей именно **этот** вопрос.

Пришлось несколько повозиться. Надпись получилась большой и непонятной – то есть как раз такой, какой я и планировала ее сделать.

Пока я отошла от своего творения и, расшнуровывая кеды, вытряхивала забившийся в них песок, Ася подошла ближе к надписи, очевидно, уже закончив муторство с бутылкой алкоголя.

– *Plaseo-ne te...* – прочитала она. Звучало это, естественно, неправильно, но не в этом суть. – И что это значит? –

спросила она меня.

Я улыбнулась. Еще одна причина, по которой я люблю ночь, – она накладывает на лицо тень. Ты видишь только основные эмоции человека, но не можешь проникнуть в его душу и понять **все** нюансы. Это как десять фломастеров в наборе – оттеночных нет, лишь главные цвета. Так и тут: я улыбнулась, но ни Ася, ни Лиза не смогли бы прочесть по моим губам, какая грусть хранится за начертанными словами.

– Не скажу, – ответила я и подошла к ним, взяв вино. – Знаете, сколько стоит? – поспешила перевести я тему и посмотрела на казавшееся темно-зеленым стекло.

– Сколько?

– 161 рубль, – усмехнулась я.

– Да ладно? Так дешево.

– Ага. Сама удивилась. Кубанское. Сейчас и опробуем, – я сделала глоток. Вино на вкус было приятным и слегка-слегка кисловатым. – Молодое, хорошее, – я посмотрела на этикетку и передала бутылку в протянутые Асины руки. – Купила вместе с бабан.

– Серьезно?

– Ну да.

– И что она? Нормально?

– Ну что-что. А что она скажет? Она знает, что я пью. Тут вино – подумаешь. Вот только побузила насчет того, что я на всякую чушь деньги трачу...

Моя бабушка довольно легко мирилась с моими закидонами. На самом деле, я считаю, что никак иначе она и не могла бы реагировать. В плане – ладно бы она не пила и не курила, но ведь нет. Нельзя не согласиться, что проповеди о вреде алкоголя и курения звучат неубедительно из уст курящего и пьющего, неправда ли? Так что... я искренне не понимаю, почему родители запрещают своим отпрыскам то или иное, хотя сами в свои молодые годы наверняка позволяли себе то же. Практически уверена, что у большинства взрослых были опыты в «голубой» области и они наверняка пробовали хотя бы марихуану.

Я точно знаю, что мой отец пробовал не только ее – героин тоже был близким знакомым моего предка. Касательно матери мне ничего неизвестно, однако она курила. Курила и во время беременности, кстати. «Вот почему я такая идиотка» – последнее время часто мне это в голову приходит.

И забавно: мой папа, держа сигарету в зубах и чиркая зажигалкой непосредственно около ее кончика, говорил:

– Если увижу, что ты куришь, запихну пачку в самую глотку, поняла? – и улыбался.

Тогда я улыбалась ему в ответ, однако сегодня, вспоминая эти моменты, я называю себя дурой. Дети наивны – для них улыбка есть улыбка, ничего больше. Улыбка – это хорошо.

Но мой отец улыбался мне как-то по-звериному. Наверное, представлял, как он ненужному ребенку (обузе, говоря по чести) причиняет страдания на основании того только,

что может это себе позволить.

Спускаясь по каменным ступеням ближе к реке, мы увидели какого-то парня.

– Привет, – поздоровалась я, пребывая в состоянии идиотической радости всему вокруг. – А мы тут, это, – я кивнула на своих друзей. – Собираемся немного понарушать закон.

– Да мы тут тоже как-то... – парень показал на стоящие рядом бутылки, среди которых я отчетливо увидела «Jack Daniels».

– Опа, – удивилась я, присаживаясь на камень и укладывая рядом с собой рюкзак. – Ну мы присоединимся тогда, вы не против?

Парень улыбнулся и пожал плечами, давая понять, что нет, он не против.

В принципе, вот что хорошо в темноте – она сближает. Днем вероятность влиться в какую-то компанию равняется нескольким процентам, тогда как ночью шансы возрастают в разы.

– Здравствуйте, – услышали мы новый голос после глотка вина. Прежде чем я успела удивиться галлюцинациям (все-таки не абсент хлещем), перед нами возникла беловолосая голова с растянутой от уха до уха улыбкой, обнажающей белые зубы. – Меня зовут Николай. А вас?

Очевидно, данный человек был из тех «них», о которых упоминал первый наш знакомый.

Я посмотрела на него мельком. В далеком шестом классе

я сочла бы его весьма привлекательным молодым человеком, однако на сегодняшний день, являясь уже выпускницей, я не почувствовала внутри себя ничего. Лишь мысль: «о боже, опять?» мимолетом скользнула где-то в голове и испарилась тут же, стоило только прикоснуться губами к горлышку бутылки и сделать новый глоток.

Люблю я Кубань. Ничего не могу с этим поделать.

Мы поочередно представились. Лиза как всегда назвалась Алисой, что вызывало у меня рефлекторное желание закатить глаза. Чего-чего, а этого я не выношу – все эти Алиса, Луна и прочие ванильные имяреки меня выбешивали похлеще политической обстановки в мире.

– Маш, стрельни мне сижку, – обратилась она ко мне шепотом. – У них наверняка должны они быть.

Сама она не могла это сделать. Не виню ее за это, не смеюсь над ней – у каждого, как говорится, свои тараканы в голове, что поделать? Да и забавно это в некотором роде – просить у людей курева, а потом отдавать его другому человеку.

Я уже готова была встать, как...

– Простите, – обратился к нашему девичнику Коля. – У вас не найдется сигаретки?

– А мы вот уже хотели у вас их стрельнуть! – повесив губы на уши, сказала я.

Николай, достав из протянутой Асей пачки сигарету, посмотрел на меня, также улыбаясь:

– Да что вы?

– Неловко как-то получилось.

– Так, а сколько вам лет? – спросил он, усаживаясь напротив меня и сбоку от Аси.

– Двадцать один, – ответила та.

– Восемнадцать, – качнула головой Лиза.

Ну а что, мне быть моложе их, что ли?

– Восемнадцать, – качнула плечами я. В принципе, это только на малюсенькую долю неправда. По сути, я слукавила меньше Аси, которая прибавила себе три года с копейками, и Лизы, прибавившей себе чуть менее года. Так как она родилась позже меня, посредством логических заключений можно сделать вывод, что в нашем коллективе я самая невинная в плане вранья сегодняшним вечером.

Далее следовали вопросы-ответы на темы обучения. Ася запихнула себя вкупе с Лизой в МГППУ, куда они только **планировали** поступать. Получалось, что она уже на третьем курсе. Меня определили в литературный институт имени Горького, куда я все намеревалась попасть, но все-таки раздумала, решив, что меня это в конечном счете вгонит в депрессию. Я также отказалась и от сдачи литературы в ЕГЭ, что практически совершенно лишало меня шансов куда-либо поступить. Но – ладно. В конечном счете **меня** никто не спросил касательно того, правда ли все это. А не отрицать информацию, которую говорит кто-то там (не ты лично), и врать – это разные вещи.

Удачно оправдавшись, я продолжила есть черешню, при-

хваченную с собой.

Коле оказалось девятнадцать, что вынудило Асю пожалеть о сказанной сгоряча цифре. Мне было как-то все равно, сказать по чести. Изначально решив, что и как, я просто сидела на заднем плане, пока эти две ловили каждое сказанное парнишей-с-набережной слово.

Бла-бла-бла, я жил в Америке. «Прекрасное произношение» – похвалила его Елизавета. Я закатила глаза.

Бла-бла-бла, я знаю английский, немецкий, французский.

Бла-бла-бла, я умею сочинять.

Нет, может быть, я судила его предвзято. Нет, может быть, заметив, как на него смотрит субъект моих собственных чувств, я начала ревновать и поэтому мне каждое его качество, высоко ценимое кем угодно, не нравилось крайне, вызывало у меня приступы нервозности и негодования. Но – боже мой, разве можно проэкзаменовывать человека на **знание** того или иного языка? Я имею в виду, незнакомца на мостовой – разве можно? Он вполне мог выучить пару-тройку стандартных фраз, чтобы умело окучивать девиц, вроде таких, как мои спутницы. Знание языков (а в особенности, французского) поднимает тебя в глазах собеседницы. Только вот я со своей латынью... Мда.

Так или иначе, я не чувствовала ничего, кроме постепенно пронизывающего меня холода. Вина уже вскоре не осталось, так что согреться мне было нечем. Все мои мысли кружились вокруг «надо пойти на мост – там теплее» и я

раздражалась от того, что никто меня не слышит, что всем тепло и комфортно. Я пару раз вставала и бегала по каменным ступеням.

– Как в человеке может быть столько энергии?! – наигранно, по-актерски как-то восклицал Коля, обращаясь к своим друзьям.

«Как в человеке может быть сорок три килограмма и желание сбросить жир, бегая туда-сюда?» – думала я тем временем.

Друзья Коли, с которыми мы вскоре познакомились, использовали мою колонку для воспроизведения довольно жизненной музыки, под которую я носилась по набережной как угорелая.

– Эй, – окликнула меня Ася, прикоснувшись к плечу, когда я наконец-таки снова села. Рядом не было Коли, Лиза не слушала. – Что с тобой?

– Мне холодно, – грубо ответила я. Когда мне некомфортно, я начинаю реагировать на внешний мир, как Цербер. Сама того не желая, я становлюсь ужасно противным человеком. – Я уже полчаса или час твержу – пойдете на мост, мне холодно. А мы сидим тут!

– Ты думаешь, на мосту будет теплее?

– Я **знаю**, что там будет теплее, – пронзая взглядом, ядовито парировала я.

Ася промолчала. Я заметила, что Лиза уже слушает, а Коля бродит где-то рядом. Меня буквально шатало от ненави-

сти к окружающим. Почему, черт возьми, никто не хочет пойти на мост?! Мне холодно!

– Вот поэтому мы и не можем быть вместе... – тихо сказала Ася.

Я никогда не думала, что что-то снова причинит мне такую сильную, пронзающую сердце острой иглой, боль. Я-то думала, что теперь ничто не свете не заставит меня страдать. Я думала, что докатилась до стадии полной бессердечности. Но...

Но эти несколько слов обернулись веревкой вокруг шеи и тут же затянулись петлей, отчего в горле появился ком, горький, примерно как лимонные семечки.

– Ты вот именно сейчас решила поднять эту тему? – я посмотрела на нее глазами, в которых она не могла бы прочесть ничего, кроме злости. Ночь не позволяла ей видеть мою боль.

Она пожала плечами и отошла.

И вот я осталась в компании Лизы и Коли. Лиза курила свой Marlboro, делая вид, что ничего не слышала.

– Дай, пожалуйста, – попросила я, протянув руку, когда Лиза собиралась сделать новую затяжку.

Она посмотрела на меня так, словно я не затяжку делала, а взрывала метро – в них читалось и удивление, и непонимание, и доля опасения.

* * *

– И где Петр? – интересовался Сева, пока мы сидели в мо-

сту и пили чай. Спрашивал он это, понятное дело, не у меня, а у своего товарища, Матвея.

– Я не знаю, – не поднимая от планшета глаз, ответил он. – На звонки он не отвечает, поэтому фиг знает.

– Я пока в туалет ходила, видела кого-то на скамье, – встала я. – Мне показалось, что этот спящий человек похож на Петю, но толкать не решилась – вдруг не он.

– На скамейке?

– Ну да, по дороге в туалет.

– Ну там его уже нет, – снова подал голос Мотя, все также смотря лишь в экран и никуда больше. – Я недавно там проходил – никого.

– Ушел, значит, – подвел итог Сева. – Вот куда только? Нам бы уже пора двигаться – мне на работу скоро.

– Ты прям сразу на работу пойдешь? – удивилась я, отхлебывая из крышки термоса горячий чай и протягивая ее собеседнику.

– Ну да.

– Кем ты работаешь?

– Да... программистом. На Шаболовке.

Мы помолчали.

Я кинула взгляд на стоящих за стеклом Асю и Лизу. Рядом с ними мельтешил Миша, недавно пытавшийся меня облапать и напоить моей же текилой.

– Надоедливый он какой-то, этот Михаил, – пробубнила я. Сева посмотрел сначала на меня, а потом, проследив за моим

взглядом, сказал:

– Да, какой-то он... навязчивый. Не могу я понять таких людей.

– Не люблю их.

– Угу, – Сева снова отпил из крышки, опустошив ее, и протянул мне, чтобы я вновь наполнила. Миссия – выпить весь термос. Accepted.

– Я уже есть хочу, – сказал он немного погодя. – Так, давай, Моть, ищи Петрардо, и пойдем уже хавать, – Сева встал с подоконника-для-сиденья.

Я посмотрела на Асю за стеклом.

– Чем он только ее так привлек... – вслух подумала я.

Сева снова посмотрел туда, куда и я.

– Кто? Коля?

Я кивнула.

– Ну он на всех так действует, – он снова сел рядом и протянул руку за чаем. – Но он петух, понимаешь? То есть он... ну блин, покрасуется-порисуетя, пособлазняет. В общем, эта, как там ее... Ася?... ну пусть она не надеется. То есть, ничего из этого не получится.

– Как всегда, – хмыкнула я, ощутив внутри всполох злостной радости и горькой печали. С одной стороны, О ДА ОНА НЕ БУДЕТ С НИМ. С другой, когда же она будет счастлива?

А мне ничего на свете не хотелось так сильно, как ее счастья.

Я смотрела на нее. Она не видела этого, продолжая гово-

ритель с Лизой и пытаюсь спровадить Мишу подальше. Я видела, как она себя чувствует. Каждое ее движение наполнилось энергией и счастьем. Ей было радостно. Она встретила человека. Он ей понравился. Взаимно (как казалось ей). И они провели какое-то время вместе на мосту, как я узнала. Но...

Но у них ничего не выйдет.

Я сидела и думала, что хотела бы помочь ей с этим – стать человеком, который сможет унять ее боль, полностью впитав ее, словно губка. И мне было горько, потому что я понимала, что это не в моих силах. Я просто не знаю, как и чем я могу (могу ли вообще?) помочь.

* * *

Петр в конечном счете сам к нам пришел, и мы выдвинулись прочь с моста и вон из парка. Навстречу еде.

Я шла в отдалении, полностью погруженная в свои мысли и чувства. Мне было как-то тоскливо, я хотела поскорее оказаться дома. Но одновременно с этим я чувствовала, что хочу быть рядом с Асей. Это как-то странно: желать быть рядом с тем, кто по независящим от него самого причинам делает тебе больно. И причем так сильно, как никто и никогда не смог бы.

«Все почему? Все потому, что я подпустила ее ближе, чем кого-либо еще» – думала я.

Они с Колей шли позади, премило беседуя. Впереди шествовали Сева, Мотя и Сергей с Мишей. Я – посередине. Одинаково далеко что от передних, что от задних. Лиза

перемещалась, словно заряженный ион, — от одной группы к другой. Мне она жаловалась на то, что Ася все время лишь с Николя да с Николя, а у других стреляла сижки. Я выкурила сигареты три, пока мы шли.

— Ты чего? — поинтересовалась у меня Лиза, снова прикуривая и беря меня под руку. — Что случилось?

— Да так, — отмахнулась я. — Ничего, в принципе. Просто грустно. Ну знаешь... — я качнула головой назад, намекая на Асю и ее избранника.

— Понимаю, — она затянулась и протянула мне сигарету. Я приняла приглашение. — Давай поговорим о чем-нибудь?

— О чем? Дай тему — я с радостью ее разовью.

— Хм, я не знаю... Рыж! — Лиза отпустила мою руку и подошла к Асе, спровадив ее спутника прочь. — О чем можно поговорить с Мари?

— Да о чем угодно! — выпалила та в ответ. Громко. Так, что даже я расслышала. — О литературе, о суициде, об алкоголе...

И тут во второй раз за несколько часов меня пронзило иглой. В этот раз она оказалась и острее, и больше — то есть боль на меня накатила просто немыслимо сильная. Я остановилась, ощутив, как на глазах наворачиваются противные соленые слезы. «Твою мать, минимум три месяца не рыдала, а тут — здрасте!» — подумалось мне.

Слезы душили. Я словила себя на том, что даже всхлипнула. Приближалась чуть ли не истерика. Я хотела убежать

подальше и спокойно порыдать – так чертовски плохо мне стало. Но я не могла. У меня проблемы с ногой, я не могу бегать. Черт возьми! Ни от боли не сбежать, ни от ее причины...

«Алкоголь. Литература. Суицид» – лыбилась я злобно и тоскливо. «Вот какой ты интересный человек, Маш. Вот, что стало очевидно Асе после трех лет общения с тобой!»

– Эй! – Лиза возникла рядом. – Тихо. Что случилось?

О господи, отстаньте! Ненавижу проявлять слабость. Ненавижу, когда меня кто-то видит в таком состоянии. Хочется провалиться сквозь землю, лишь бы только никто на свете не видел моих слез, не думал, что у меня есть чувства, что меня можно задеть, как-то чем-то тронуть и причинить мне страдания.

Не показывай мишень – никто не спустит курок, чтобы ее поразить. Логично? Более чем.

– Эй, – снова услышала я. В этот раз это была уже Ася. Все остальные двигались вперед, не видя сцены позади.

«Уйди! Уйди с ними! Только тебя сейчас мне не хватало!»

Мне не хватало. На самом деле. Ее мне жутко не хватало. Но сейчас я хотела бы, чтобы она улетела на Луну или на Плутон – как можно дальше. Я не хотела, чтобы она застучала меня в расшатанном состоянии, нашла меня неспособной стоять на своих ногах.

Она, конечно, не сможет понять, почему все так. Она не сможет увидеть реального положения дел. Она решит, что

я валяю дурака, что захотела порыдать просто так. А ведь это не так!

– Ты чего? – она протянула ко мне руки, намереваясь обнять. От этого действия меня скрутило еще сильнее. Я почувствовала себя тряпкой в руках поломойки со стажем – такой, которая знает, как надо правильно выжимать кусок ткани, чтобы он стал практически полностью сухим. Примерно так я себя ощущала.

Я пыталась вырваться, понимая, что в противном случае случится непоправимое...

– Нет-нет-нет, – ответила на мои движения Ася, сильнее обхватывая меня руками, прижимая к себе, как мать – младенца. Она словно спасала от чего-то...

Вот только единственное, от чего мне надо было бы спастись, меня все равно настигло.

Она сказала:

– Не пущу... – так тихо, что слышала это только я.

Случилось то, чего я боялась.

Я не отстранилась.

И вместо того, чтобы оттолкнуть ее подобно прочим, я склонила голову ей на плечо.

Memoria.1

– Что читаешь? – спросила она меня. Я оторвала глаза от экрана телефона.

– «Апрельское колдовство», Рэй Брэдбери.

Она стояла около зеркала в комнате и смотрела на свое отражение, поправляя свитер. Когда я назвала книгу, она мельком посмотрела на меня, еще немного постояла и направилась к дивану, на котором я по-хозяйски восседала.

Опустившись на него рядом со мной, она попросила:

– Почитаешь мне?

«Апрельское колдовство» – это небольшой рассказ. Романов у Брэдбери, в принципе, немного. На тот момент я была одержима этим автором, но, к своему сожалению, не могла найти ни одной книги, кроме «Марсианских хроник» и «451 градуса по Фаренгейту». Полная, однако, желания прочесть как можно больше написанного Реем, я взялась за его рассказы. И в тот день на очереди было «апрельское колдовство».

Я начала читать – не могла устоять перед голосом, попросившим о такой малости. Как можно ответить «нет» любимому человеку? Особенно если это просьба, выполнить которую не составит ни малейшего труда?

Как сейчас помню – спокойным голосом, стараясь передать как можно лучше то, что так красочно написано, я чи-

тала описание полета Сеси в самом-самом начале, в самых первых строках.

Ася положила голову мне на плечо, и мое дыхание сбилось. Я потеряла строчку, и слова расплылись перед глазами, но мой верный слушатель никак на это не отреагировал. Кажалось, она все понимала. Говорила: «все в порядке. Я знаю, что ты чувствуешь. И я чувствую то же самое. Я тут, эй».

Не от того даже, что я что-то такое чувствовала по отношению к ней, а от того, что я понимала взаимность своей симпатии, – вот, что выбивало меня из колеи. Я никак не могла поверить в свое счастье. Мне еще никто и никогда не отвечал искренностью на искренность.

Так мне это и запомнилось:

Апрель. Мы сидим на диване. Я читаю ей в полголоса «Апрельское колдовство». И каждая из нас чувствует это колдовство внутри себя.

Memoria.2

От моего дома до ее – около четырнадцати километров. Ехать примерно час с одной пересадкой на двух, соответственно, автобусах. Тьма уже сгущается – на дворе зима, а время уже перевалило за девять вечера, хотя Ася обещала своей матери, что дома у них мы будем уже в это самое время.

– И как это маме объяснить-то? – спросила меня севшая на скамейку Ася, посмотрев мне в глаза, затененные мглой.

– Ну, – как всегда в таких случаях, в моей голове начали в беспорядке бегать самые идиотские мысли, всегда вызывающие теплый смех у моей darlin. – Скажем, что были пробки огромные, или что автобус задерживался, что его захватили пираты. Скажем, что водитель на нас дулся и не хотел трогаться...

Я прервалась, не в силах продолжать: увидела ту улыбку, которая всегда вгоняла меня в состояние прострации и диспноэ. Она встала и сделала ко мне лишь шаг, который, впрочем, сразу же поставил ее прямо передо мной. Не говоря ни слова, не замечая ждущих транспорта людей рядом с нами, она легко поцеловала меня в губы, прикоснувшись руками до рукавов куртки.

На улице не было морозно – так, слегка холодновато, и я ходила нараспашку. Но, даже несмотря на все это, мне стало

жарко, и я почувствовала, как дурацкая улыбка растягивается от одного до другого уха.

Пришлось облизнуть губы, чтобы не дать трем словам сорваться с них. По опыту зная, что за этим обыкновенно следуют проблемы, я сдерживала их как могла.

С уходом из моей жизни кого-то еще я смирилась бы легко. Но представить, как уходит от меня она – это выше моих сил... Как бы мне ни хотелось дать ей понять, что я чувствую, делать это никак нельзя было. Лучше подождать. Лучше просто выждать время. Нельзя ее терять.

Нельзя.

Ее.

Терять.

Somnus.1

Вагон полон, но не забит – то есть, людей столько, что нет ни единого свободного места, чтобы присесть, но зато никто не стоит. Идиллия, можно сказать.

Я сижу посередине, закрыв глаза и пребывая в полудреме. Еду я, кажется, по фиолетовой ветке куда-то вверх (вообще, вверху Таганско-Краснопресненской живет мой тату-мастер, но зачем мне во сне к нему ехать – неясно).

Поезд тормозит, и я собираюсь выходить. Уже встаю со своего места, поворачиваюсь вправо, успевши захватить рюкзак (неизменного спутника как в реальности, так и в дреме), как натыкаюсь на рыжеволосую деву, столь знакомую и милую сердцу.

От неожиданности я не могу ничего сказать: одновременно накатывает и радость, и непонимание, и неловкость. Слова вертятся в голове, однако на язык сходить не желают, и я просто стою напротив Аси, открывая-закрывая рот, как рыба. В свою очередь, встреченная мною особа также поражается моему явлению. Правда, не так сильно, как я – ее. Однако все-таки.

Стоит пояснить пока что, по какой причине мы (так часто общающиеся в действительности) так очумели, встретив друг друга в вагоне метро.

Перво-наперво замечу, что даже наяву вероятность по-

добной встречи мизерна – вы должны в один и тот же день, в одно и то же время поехать в одно и то же место, зайдя в один и тот же вагон в одну и ту же дверь. Нельзя не согласиться, что статистика ставит крест на надежде наткнуться на давнего знакомого в пространстве городского подземелья.

– Здравствуй, – наконец говорит мне Анна, а я все так же ловлю ртом воздух и не могу ничего сказать.

* * *

Возможно, это намекает мне на то, что в скором времени мы прекратим общаться, и я, надорвав свое сердце, оставлю мою darlin где-то в прошлом.

И все для того, чтобы позволить до невозможного крошечной доле вероятности вновь узреть ее и быть не в силах показать, как я рада этому.

Memoria.3

Мне было очень и очень страшно. Я сидела на железном своде моста, вцепившись в его пупырчатое покрытие мертвой хваткой.

– Я не пойду дальше, – голосом, который нельзя описать, крикнула я Асе и оторвала взгляд от своих напряженных пальцев. – Мне и здесь хорошо. Там высоко. Я не пойду!

Ася летящей походкой приблизилась ко мне.

– Эй, – позвала она, лучезарно улыбаясь. Этот прием всегда на мне работал (работает и до сих пор). – Пошли, трусишка. Давай, еще немного, мы же почти дошли до верха.

Я кинула взгляд за ее спину. Ничего себе «почти дошли»! Оставалось пройти еще примерно столько же плюс несколько сантиметров. Пройти за ней и словить сердечный приступ, потому что я ужасно боюсь высоты.

– Я с тобой уже на стройку ходила, – пробурчала я. Не злобно, но умоляюще. – Зачем еще сюда? Внизу тоже неплохо. Ась, ну пошли вниз, а. Знаешь же, что я боюсь. Ну пошли!

– Пойдем за мной, – не сдавалась та и уже отошла на несколько шагов вверх. – А то я обижусь.

Чуть что – сразу вот это. Обидится она! А я страдай.

Зажмурившись и стараясь не думать о том, что взбираюсь на чертов мост, я проползла еще на метр-полтора вперед.

– Пропустите, пожалуйста, – донесся до меня голос сверху, и я была вынуждена разлепить очи. Я посмотрела вверх – надо мной стоял какой-то мужчина, а сзади – его спутница. Очевидно, они спускались, а я им загораживала дорогу.

– О господи, только не скидывайте, – по-идиотски состригла я, наполовину реально боясь этой возможности. – У меня дома жена и дети...

Спускающиеся улыбнулись, и это вселило в меня непонятную радость. Забавно: так всегда бывает, когда кто-то улыбается мне, когда я чувствую тепло, исходящее от людей. Душевно становится как-то, легко на сердце и в мыслях.

Неловко отодвинувшись куда-то вправо, я уступила им дорогу и посмотрела на стоящую впереди меня Асю.

У меня прибавилось сил. Когда с души сдвигают тяжелый камень, становится проще двигаться, кровь насыщается адреналином.

Я продвинулась еще немного по своду и посмотрела вперед, надеясь увидеть, что пришел конец моим мукам и мы уже на вершине. Ан нет! Оставался буквально метр. Но сил, недавно меня наполнивших, уже и след простыл.

– Хватит, может быть? – понадеялась я.

Ася посмотрела в мою сторону и покачала головой.

– Нет. До самой вершины давай ползи.

– Но я боюсь! – истерически протянув гласные в глаголе, запела я и оглянулась. На меня смотрели все, кто находился на этом мосту. Я чувствовала себя животным в зоопарке.

Но ничего плохого в этом не было. И даже улыбки, не сходящие с губ наблюдавших за мной, не были злобными или насмешливыми – они были дружелюбными.

Снова пропитавшись положительной энергетикой, я наконец-то долезла до Аси и села рядом с ней, положив рядом с собой рюкзак.

– Ну красиво же, – проговорила darlin, заворочено глядя перед собой – на небо над рекой и заходящее солнце, чуть-чуть скрываемое облаками. Лилово-фиолетовые оттенки с проблесками небесной голубизны успокаивающе действовали на мои нервы, заставляли пульс сбавить ход. Уже скоро сердце билось как положено.

– Ага, – согласилась я и достала из рюкзака термос с чаем и телефон.

Ася отошла немного вбок и встала в метре от меня, желая посмотреть на площадку для танцев где-то внизу и слева, что было возможно сделать только с того места, куда она, собственно, в итоге и встала.

Мне так понравилась игра света за ее спиной, лучи солнца, очерчивающие ее фигуру, что я сделала на память несколько снимков.

– Эй! – протестующе вскрикнула она, заметив мои действия. Я поспешно убрала телефон, а Ася приблизилась ко мне и села напротив. – Удали! – потребовала она, но по улыбке на ее губах я поняла, что это требование можно и не исполнять.

Я показала ей снимок, и она согласилась, что его можно не удалять.

– Девушки, привет, – к нам приблизились два парня. – А что это вы тут делаете?

Я уже налила чай в крышку из-под термоса и теперь трянула ею перед лицом вопрошающего.

– Да вот чаец пьем, – прокомментировала я свои действия. – Из травок всяких.

– Травок? – удивился второй. – Каких это?

– Ну, – решила продолжать начатый идиотизм я. – Тех самых, смешных. Хи-хи-хи, – симитировала я смех накуренного человека.

– О как! – они явно не понимали, что такое «ирония». – Можно мы присоединимся?

– Да шутка это, – прервала мои хохмы Ася, приятно улыбаясь мне и говоря этим, что мое дурачество ей нравится. – Это обычный черный чай.

– Ааа.

Но они все-таки подсели к нам, и я продолжала щеголять своим умением подшутить и посмеяться. Мне было легко в этой компании. Да пусть вместо этих двух с нами сидели Джек-Потрошитель и Фредди Крюгер – даже и тогда мне было легко. Просто потому, что я непосредственной близости сидела Ася, делавшая все вокруг в разы лучше.

Когда наши случайные спутники ушли, вечер уже давал о себе знать: вокруг зажигались фонари, с площадки внизу

доносились музыка, да и темнее стало, а солнце уже практически наполовину купалось в реке.

– Наверное, надо и нам спускаться, – нарушила мои размышления Ася. Я согласилась.

Странно: пару часов назад я не хотела подниматься на эту верхотуру, а теперь я уже не хотела спускаться с нее! Здесь было так спокойно и волшебно. Тут сидели такие прекрасные люди. Тут царила такая атмосфера, что я согласилась бы провести тут остаток своих дней! Но нет – всему приходит конец. И теперь, шагая за своим рыжеволосым шантажистом, я про себя согласилась с этим утверждением еще раз.

Слева, на втором своде моста, я заметила мило сидящую пару: парень обнимал девушку за талию и что-то ей вполголоса говорил, а она, положив голову ему на плечо, слушала. Я запомнила этот эпизод, потому что в нем была такая странная, такая удивительная гармония – казалось, что пара безоговорочно подходит под пейзаж и смену красок на горизонте. Пока я смотрела на этих людей (не более двух секунд), во мне вдруг расцвело чувство сродни любви.

К кому?

Я посмотрела вперед – darlin уже стояла на дорожке внизу, а я все копошилась, спускаясь.

К кому?

– То не затащишь ее, то не стащишь!

К кому?

Я встала двумя ногами на асфальт и посмотрела в пасмур-

но-синие глаза.

«Мы могли бы сидеть так же, как и та пара», – подумалось мне. «Если бы только я смогла разогнать эти тучи в небе ее души».

Somnus.2

Я, Ася и Лиза лежим на кровати. Место, в котором стоит кровать, мне знакомо, но сейчас я назвать его не смогу по одной простой причине – не помню. Вокруг темнота и мы о чем-то премило беседуем. Darlin лежит посередине – между мною и Лизой.

Вдруг Лиза привстает, опирается на один локоть и поворачивается к нам.

– Может, го целоваться? – предлагает она без экивоков.

Я отказываюсь – мол, нет, спасибо. Последнее время я действительно замечаю за собой такое – мне не хочется «кутить» так сильно, как раньше. Не хочется «гулять» и все такое прочее. И несмотря на то что Ася мне дико нравится, что она вызывает у меня желание поцеловать ее, я все-таки решила, что если когда-то вновь прикоснусь к ее губам, то это будет означать, что мы вместе. Великое искушение, надо отметить. Великая боль.

Лиза пожимает плечами и нагибается ближе к Асе. Я стараюсь подавить в душе ревность, злобу и страдание и отворачиваюсь.

– Ты должна это попробовать, – снова говорит Лиза, словно предлагая мне испытать винца. – Это что-то новенькое.

Я снова отказываюсь, но Ася поворачивается ко мне и говорит, мол, ну а почему нет? Она всегда придерживается

этой позиции в состоянии подшофе. Ася продолжает смотреть на меня своими бездонными глазами, и в следующий миг я уже ощущаю ее руки на своей шее и ее губы на своих губах.

Только происходит дальше нечто странное: мой язык буквально засасывают в свой рот (извиняюсь за подобные неприятные описания, но что поделать?), и я пытаюсь отстраниться.

Напрасно: Ася напрягает руки и что есть мочи удерживает меня, продолжая изображать из себя страстный пылесос, словно дементор, вытягивая из меня душу.

Sensus.2

У меня была идея спрятать букет за спиной, но он просто-напросто не поместился бы там, ведь на моем горбе уже висел рюкзак, в котором чего только не было.

Я с некоторым опасением позвонила в дверь – куча мыслей сразу же закрутилась в голове: а что если она еще не простила меня за ту выходку в парке и после; а что если она просто закроет дверь; а что если она не хочет меня больше видеть?..

Серьезно, я никому бы не пожелала испытать этого. Самое ужасное – это стоять и не знать, что произойдет дальше, потому что невозможно быть уверенным на сто процентов в том, как человек поведет себя в ту или иную секунду. Я, по натуре своей человек постоянно обо всем рассуждающий и постоянно анализирующий все вокруг, просто разрывалась на части, пока время растягивалось, а звонок продолжал гудеть где-то внутри черепа, скача в нем мячиком.

Наконец Ася открыла дверь. Сердце сразу провалилось куда-то в желудок, а на губах заиграла дурацкая улыбка.

– Мне тут сказали, что кто-то выпустился, – протягивая букет, срывающимся голосом проговорила я.

Darlin улыбнулась мне.

– Цветы? Seriously? – спросила она, посмотрев на подарок и переведя взгляд на меня. В ее глазах не было ни обиды, ни

чего-то негативного – они кристально чисто сияли в глубине, как то обычно бывает, когда она чему-то рада.

– Тюльпанов не было, – оправдывалась я, заходя в квартиру и прикрывая за собой дверь. – Продавец говорит, что, типа, не сезон и все такое. Я ему говорю: «что значит, не сезон? А ну давай тюльпаны!». Он, бедный, плакать начал, ну я и подумала, что прощу ему это...

Я начала, как обычно, нести всякий бред. Потому что ее улыбка сводит с ума мгновенно и хочется нести любую око-лесицу, лишь бы она улыбалась подольше.

Ася засмеялась и обняла меня.

– Спасибо, – сказала она. – Я люблю хризантемы.

Я вот их не люблю, кстати сказать. Я без ума от тюльпанов, а вот хризантемы кажутся мне какими-то... не очень. Но Лиза посоветовала их, и я таки купила хризантемы желтовато-белого цвета. Я не верю, что цвет цветов (извиняюсь за масло масленное) несет в себе какой-то смысл. Желтый является намеком на расставание, но я просто выбрала букет покрасивее.

Странное дело: при всей своей скаредности, потратить-ся на подарок darlin для меня не составляет никакого труда. Мне нравится видеть ее счастье. Мне нравится, когда я вызываю у нее улыбку.

Сняв кеды и свитер, я прошла в кухню и первым делом принялась обследовать холодильник (этим я занимаюсь всегда по приходе в чей-либо дом).

– Ничего себе, сколько еды! – удивилась я, осматривая полки, пока Ася наливала в вазу воду и ставила в нее цветы. – А Лиза говорила, что у тебя есть нечего!

– Кстати, а где ты их оставила?

– Да мне расплатиться с цветочником было нечем, вот я их и оставила, – качнула плечами я. – О! Можно яблочко взять?

– Да бери все что хочешь, – ответила Ася и оперлась на стол.

– Ах да! – я вдруг вспомнила про пари, заключенное с Лизой несколько минут назад на улице. – Какое ты вино купила? Сухое или полусладкое?

Ася посмотрела на меня в растерянности, но, решив, очевидно, ни о чем не спрашивать, прошла к своему портфелю и вытащила оттуда два пакета вина.

– Так, – пробормотала она, разворачивая первый и смотря на надпись. – Красное полусладкое и... «Изабелла».

– Ну, а «Изабелла» сладкая?

– Наполовину.

– Ха! – я улыбнулась во всю ширь своего рта. – Значит, Лиза проспорила мне две сижки.

– И с каких это пор ты куришь?

С тех самых, милая. С ночи в парке.

– Да я не курю особенно, – отмахнулась я. – Так, иногда, когда шибко грустно и нужно несколько развеяться... Кстати! – я вспомнила про бутылку текилы, захваченную с собой,

и свитер, который был оставлен у меня в портфеле еще в ту злосчастную ночь, о которой мы обе сейчас вскользь подумали.

Я вернула свитер его хозяйке и, поставив алкоголь на стол, уселась на диван рядом с котом.

– Я сейчас в метро ехала как обольститель, – хмыкнула я, поглаживая Сему. – Сижу, читаю книгу, справа на плече у меня лежит Римма, а слева – Лиза. А в руках у меня цветы. Казалось, наверно, что от меня без ума две девушки, тогда как я сама еду на свидание к другой, – я помолчала. – Мне кажется, в глазах мужчины напротив я ясно прочла недоумение.

У меня внутри разгоралась неопишуемая радость. Мне хотелось встать и закружить Асю в танце, хотя я даже не умею танцевать.

– А потом, когда мы уже выходили из подземки, – продолжала я. – В переходе попалась женщина, продающая маленькие букетики цветов. На ее фоне мой выглядел просто огромным. Я посмотрела на нее и улыбнулась. По какой-то причине мне было так легко на душе, что я не могла не улыбнуться!

Зная меня, это действительно странно. Хотя... Я лишь говорю, что не люблю людей и животных, тогда как на самом деле просто боюсь признать обратное.

Я также говорю Асе о своих чувствах только в качестве шутки, боясь полностью раскрыться. Когда обнажаешь перед

кем-то сердце, оно, понятное дело, становится легкой мишенью для ножа. А я, наверное, уже просто устала постоянно чувствовать боль. Поэтому-то и говорю всегда что-то, что автоматически воспринимается, как несерьезность, не стоящая рассмотрения.

* * *

Я вообще не пью вино, если оно не красное сухое. Красное сухое – это всегда пожалуйста, но полусладкое, полусухое и остальное – это не по моей части.

Но разве могла я отказаться от предложенного мне Асей бокала с «Изабеллой», особенно когда она сказала, что это вино не может мне не понравиться, и посмотрела на меня взглядом, описать который нельзя никакими словами?

Я попробовала – и действительно мне понравилось. Не могу точно сказать, почему это произошло: потому ли, что вино было хорошее, потому ли, что предложила мне его Ася... так или иначе, за вечер я выпила примерно полтора бокала вина, и потом вдруг оно перестало в меня вливаться.

«Изабелла» подействовала на меня странно – так, как никогда не действовало ни одно вино: я начала забывать какие-то события, которые мой мозг считал ненужными и неважными. Так, я не помню, когда Римма с Асей ушли на балкон. На самом деле, я вряд ли бы вообще заметила это, если бы Лиза не начала нервно прохаживаться туда-сюда и бурчать:

– Ну сколько они еще там будут стоять? Я не для того зва-

ла Римму, чтобы она с Асей устраивала на балконе sad party. Еще немного, и я сама впаду в депрессию.

– Я вообще не склонна к распусканию нюнь в пьяном или трезвом состоянии, – ответила я, сидя на стуле и глядя на стоящие передо мной цветы. – Но, если кто-то грустит непосредственно рядом со мной, то я невольно проникаюсь атмосферой вечера и тоже начинаю грустить.

– Вот-вот, – словно я высказала безумно умную мысль, поддакнула Лиза.

Пока ждали возвращения этой парочки, мы успели потанцевать (а точнее – подрыгаться) под Nicki Minaj – only, Melanie Martinez – pity party и Die Antwoord – ugly boy. По подборке можно догадаться, что мы пребывали в состоянии довольно-таки взбалмошном. Мы успели сходить на лестничную клетку и покурить, успели вернуться. Я даже выпила две стопки текилы, потому что начинала ощущать, как у меня внутри скапливается что-то болезненное, готовое вырваться наружу.

– Я пойду к ним схожу, – уведомила меня Лиза и удалилась на балкон.

Удачно. Не хотелось бы, чтобы меня кто-то видел не в приподнятом состоянии, а... как обычно.

Я включила снова Melanie Martinez и поставила чайник. Я всегда пью чай и кофе на таких вечерах. Это помогает мне не терять рассудок и не блевать после многих и многих стопок. Обычно люди не выносят мешанины и понижения гра-

душа, а для меня все это не имела никакого значения, потому что у меня был чай.

Я села на стул и почувствовала некоторое отвращение к играющей песне. Покопавшись в композициях, выудила ту, что не слушала уже давно – такой грустной она была. Я даже однажды чуть ли не расплакалась в метро, вникая в текст. Лишь исполнение Griffin&Flint вызывало у меня подобную реакцию.

– Say something, I'm giving up on you.

В сознании само по себе вспыхнуло Асино лицо.

– I'll be the one if you want me to...

«Она никогда не захочет...»

– Anywhere, I would've followed you. Say something, I'm giving up on you, – мой голос дрогнул, и я почувствовала влагу на глазах. Почему-то именно «I'm giving up on you» всегда вызывает у меня слезы. Это звучит так чертовски похоже на то, что со мной происходит: я стараюсь выглядеть сильной, со всеми проблемами справляюсь в одиночку, с улыбкой отказываясь от помощи; я считаю, что я все смогу, тогда как... тогда как Ася одним своим видом ломает мой внутренний стержень на сотни маленьких кусочков, она заставляет меня чувствовать невероятный подъем и столь же невероятную пустоту. Это как езда на американских горках – вверх и вниз. Но для меня это слишком. И я... я сдаюсь. Я протягиваю руки вперед и говорю: «вот, арестуй меня, я в твоих руках. Я признаю твою власть надо мной».

Вдруг я услышала шуршащие шаги со стороны балкона и в следующий миг передо мной уже стояла Ася.

– Sad party? – со странной улыбкой спросила она, садясь на стул сбоку от меня и подбирая ногу к себе. Она вслушалась в конец песни и обернулась ко мне. – Давай споем ее.

– «Say something»? – переспросила я. Ася кивнула.

– Только дай мне текст, а то я наизусть не помню.

Петь с ней эту песню было все равно что говорить о своих чувствах напрямую, без обиняков. Я так хотела, чтобы она чувствовала то же самое. Я имею в виду, что тогда я всем сердцем желала, чтобы текстом этой песни Ася выражала свои чувства ко мне.

Ко мне.

Словно бы кто-то сможет почувствовать ко мне хотя бы симпатию.

Мы спели еще и pity party, после чего возобновили свою party и продолжили пить.

* * *

Было предложено скрасить нашу пьянку чем-то культурным и потому решено, что каждая из нас прочитает либо стихотворение, либо прозу – в общем, что угодно, что запало в душу или оттуда выпало.

Я не особенно-то этого хотела. В подобных занятиях есть что-то, что вгоняет в сплин. Да и не мудрено: я и не надеялась, что мы станем читать природную лирику или сатирические очерки. Понятно было с самого начала: все, что бу-

дет здесь произнесено, выстрадано и будет нести в себе боль и тоску.

Я готовилась, поэтому выпила еще стопку текилы перед тем, как Ася начала. Она прочитала короткую прозу (или небольшой верлибр, быть может). Я сидела у нее на коленях в тот момент, и мне дико хотелось, чтобы те слова были адресованы мне:

только ты, пожалуйста, не устань от меня, как другие устали, говори мне про красивые дома, сиди со мной на качелях и прячь мои руки в свои рукава – всегда или сколько сможешь.

я так скучала по теплоте тебе и «ты такая живая».
я так скучала.

Уже после Асиного чтения я поняла достаточно ясно, что в течение вечера мое настроение будет падать, а комок в горле будет лишь расти.

Дальше на очереди была Лиза.

Пока она читала, я не могла понять, свое ли она выбрала или чье-то еще. В принципе, это было не особенно-то и важно – чем больше я слышала, тем сильнее щемило у меня в душе. Уже скоро к этому неприятному чувству прибавилось еще одно, не менее неприятное. Я поняла, что Лиза читает свое. И я поняла, что никогда мои стихи и моя проза не будут цеплять так, как то, что я в тот момент слушала:

я давно перестала верить, как бы
отношусь ко всему скептически и эгоистично
наверное, все это неправильно. стиль моей жизни, мое
мировоззрение (его отсутствие?), мое отношение к.. да ко
всему

я теряю людей. а как же мне хочется продолжать об-
щаться с теми, кого я так давно отпустила. или от кого
ушла сама

курение убивает мозг на сорок минут, а я убиваю себя
каждый день

у меня снова нередко проскакивают мысли о том, что
моя кожа не должна быть такой чистой, а желудок не дол-
жен быть полным. и как тяжело приходится, когда я за-
ставляю эти мысли исчезнуть, ведь кому понравится обще-
ние с такой, как я?

я думаю, это прекрасно, что мои знакомые могут только
догадываться о том, что происходит у меня в голове (толь-
ко ты об этом знаешь, лис, на тсс, ладно?)

отведи меня в церковь

я бы покалась, стирая слезы со своих щек, теребила бы
свою черную юбку грязными от земли ногтями

у меня есть неделя, чтобы привести свои мысли в поряд-
док. но я не хочу быть собой

я буду поклоняться храму твоей лжи, как пес
это ведь все, для чего я гожусь, да?

а как хочется быть «той красивой девочкой», от улыбки которой растает каждый, от взгляда ее не скроется никто; она видит всех насквозь

а я прихожу к нему, улыбаюсь, «да, новая прическа», «да, цвет волос другой», «как хорошо, что мы сошлись во мнениях» и «что это был за фильм?». и как он улыбнется в ответ, придвинется ближе и легко коснется пальцами моего лица

«это ничего не значит»

я расскажу о всех своих грехах, так что начинай точить свой нож

я все придумываю способы, чтобы как-нибудь от этого избавиться, извернуться, выкинуть это из своей головы

о, у меня есть столько всего, что бы я тебе сказала!

но только в моих мыслях «ты», а на словах «Вы»

предложи мне эту бессмертную кончину

каждую субботу на бетонной стене с сигаретой в руке – обыденность

о боже, позволь мне отдать тебе свою жизнь

х в а т и т м н е у л ы б а т ь с я

я скучаю

дай мне почувствовать себя человеком

аминь

– Я выйду? – попросилась я, когда отзвучало «аминь». Мне даже не хотелось шутить и креститься в припадке идиотизма. Мое настроение как-то сразу изменилось.

– Да, конечно, – ответили все, и я, взяв свою пачку с сигаретами, до которой в течение всего вечера не прикасалась ни разу, ушла на балкон.

Было уже темно, и фонари горели снизу, своим светом хватывая круглые участки асфальта. Не было звезд, потому что весь день было пасмурно. Это нехорошо. Ветер слабо дул откуда-то с юга, что можно было легко понять потому, что он был теплым.

Я не хотела ни о чем думать. Я вышла на балкон за тем лишь, чтобы снова затуманить дымом свой бедный мозг. В животе винознакомилось с более крепким алкоголем, яблоками, огурцами и чаем, вызывая у меня некоторый дискомфорт, а я продолжала стоять и отравлять свой организм.

Пачка была почти что полной – с того дня, как мне купил ее Грешник, я и не курила больше. Внутри виднелась одна перевернутая сигаретка – я где-то слышала, что надо загадать желание и провести данную махинацию. Я, в принципе, не верю ни во что подобное, но... если Ася не хочет быть со мной, возможно, обычная случайная мечта сможет как-то поменять все?

Я услышала шаги за своей спиной. Ожидаемо. Ася всегда приходит к кому-то, кто стоит в одиночестве. «Почему же ты не приходишь в мой дом?» – усмехнулась я.

– Я сбежала от них, – улыбнувшись, промолвила darlin. – Угостишь? – кивнула она на пачку.

– Пожалуйста.

Начался один из тех разговоров, что я называю «душевыми». И это не просто название диалога. Кажется, словно беседуют наши души, тогда как сами мы молчим. Я одновременно люблю и ненавижу подобные моменты, имеющие место быть только с Асей. Люблю, потому что они действительно очень приятны. А ненавижу, потому что после этого я начинаю думать о том, что слышала, и в моей голове происходит какой-то кошмар. И это убивает, расщепляет сердце.

Хотя сознание мое было заполнено дымом и я не очень хорошо соображала, я отчетливо услышала, как Ася сказала, что я ей нужна.

Мне показалось, словно красную мышцу в моей груди прижало створками дверей. Мне стало дико больно. Но вытекающая из нее кровь успокаивала, служило словно бы мазью.

– Ладно, пошли, – сказала моя пассия, выбрасывая окурок за окно.

Я протянула руку к пачке, чувствуя себя недостаточно комфортно для того, чтобы нормально жить дальше.

– Нет, нет, нет, – Ася вытащила сигарету из моих рук. – Две за раз – это слишком. Я не позволю тебе выкурить еще.

Я улыбнулась. Приятно, когда кто-то о тебе беспокоится.

– Ну мааа... – протянула я, корча из себя дурочку. Ася уже открыла дверь, чтобы выйти, а я как раз повернулась обратно к пачке.

– Нет, – покачала darlin головой и взяла меня за руку. –

Пойдем.

Электрический разряд, пущенный по моим венам, подействовал бы менее мощно, чем это прикосновение.

В который раз три чертовых слова начали кружиться в голове, так и просясь сорваться с губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.